

Ю.В. Пуцаев

ВОСПРИЯТИЕ РОМАНА «БЕСЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РАДИКАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

Пуцаев Юрий Владимирович – кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; старший научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский просп., д. 51/21; e-mail: putschaev@mail.ru

Роман «Бесы» Ф.М. Достоевского имеет богатую историю в плане его восприятия в истории русской и советской культуры. Вопреки распространенному мнению, его никогда не запрещали в советское время: он четырежды выходил в составе собрания сочинений Ф.М. Достоевского (1927, 1957, 1974, 1982 гг.). В данной статье рассматривается, как роман «Бесы» еще при жизни автора был встречен русской радикальной критикой. В центре анализа – критические статьи одного из лидеров народников, Н.К. Михайловского, и радикального революционера, соратника С.Г. Нечаева – П.Н. Ткачева. Их объединяет резко критическое отношение к роману, его практически полное неприятие. И Михайловский, и Ткачев категорически отрицают, что в революционной среде, в которой царят культ научного знания, позитивизм и атеизм, имеют место такие метафизические и религиозные идеи и споры, как это представлено в романе. Михайловский также упрекает Достоевского в том, что он просмотрел главного беса тогдашней России – беса богатства и связанную с этим опасность для страны. В полемике между Достоевским и Михайловским были подняты темы консервативного социализма и вопрос о том, может ли социализм быть неатеистическим. К сожалению, развития эта полемика не имела. Критика же Ткачевым романа «Бесы» имела еще более резкий характер. Главная идея Ткачева сводилась к тому, что Достоевский ограничивается исключительно анализом психиатрических аномалий человеческого характера, живописанием внутреннего мира психически больных людей и приписывает своим персонажам и окружающей их действительности лишь внутренние состояния своей души и свои идеи. Указанные работы относятся к первому этапу восприятия «Бесов» революционно-радикальной литературной традицией. Уже в ранние советские годы некоторые авторы-марксисты будут считать, что Достоевский в «Бесах», напротив, во многом правдиво отразил революцию и ее стихию (В.Ф. Перверзев). Тогда же в ранней советской исторической науке будет формироваться тенденция по апологии и оправданию фигуры и деятельности С.Г. Нечаева.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Бесы», литературная критика, русский революционный радикализм, Ткачев, Михайловский, консервативный социализм

Для цитирования: Пуцаев Ю.В. Восприятие романа «Бесы» Ф.М. Достоевского в русской дореволюционной радикальной критике // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 2. С. 31–46.

Роман «Бесы» великого русского писателя Ф.М. Достоевского относится к числу так называемых антинигилистических романов, которые во второй половине XIX в., в пореформенное время, ставили своей целью под именем нигилизма критику тогдашнего революционного движения. Список этих романов довольно широк. К ним относятся такие хорошо известные произведения, как «На ножах» и «Некуда» Н.С. Лескова, «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, «Марево» В.П. Ключникова, «Панургово стадо» и «Две силы» В.В. Крестовского и др. Среди них «Бесы» Достоевского являются высшим достижением. Этому роману присуща не только острая памфлетная и идеологическая заостренность, но и несомненные художественные достоинства. И так же как и революционно-демократическая критика, идеологическая советская критика, пока она оставалась преданно официальной или искренне марксистской (т.е. без подспудных порицающих выпадов и намеков в адрес уже советского строя), не могла обойти своим вниманием произведение Достоевского о «бесах революции». Она резко, порой уничижительно отзывалась о романе, но не могла до конца растворить его достоинства в едкой кислоте своего неприятия хотя бы в силу его несомненной художественной оригинальности. В этом контексте интересна история восприятия «Бесов» как в революционно-демократическом движении в дореволюционное время, так и в советской критике в разные периоды советской истории.

Кстати, предварительно стоит отметить, что весьма часто встречающееся мнение о том, что в СССР «Бесы» были «под запретом», верно лишь отчасти. Действительно, в СССР вплоть до 1989 г. не было отдельного издания «Бесов», но «запрещенный роман» вошел в состав четырех собраний сочинений великого классика. «Бесы» вышли в 1927, 1957, 1974, 1982 гг. По подсчетам И.С. Чернышова, «Бесы» за это время были опубликованы общим тиражом 1 млн 110 тыс. экз. В 1927 г. – 10 тыс. экз., в 1957 г. – 300 тыс. экз., в 1974 г. – 200 тыс. экз., в 1982 г. – 600 тыс. экз. Как резюмирует И.С. Чернышов, «поэтому ни о каком “запрете”, конечно, говорить не стоит»¹.

Правда, как оговаривает тот же автор, отсутствие моноиздания «Бесов» являлось значительной проблемой, на которую указывали многие литературоведы. «В результате, в “перестроечный” период, всего за 3 года – с 1989-го по 1991-й – вышло 11 изданий “Бесов” общим тиражом 2 млн 4300 экз. – подобный всплеск интереса можно назвать настоящим “бумом”: в постсоветский период ничего подобного по тиражам уже не повторится, хотя в 1993–1994 гг. выйдет не менее 11 изданий “Бесов” общим тиражом 440 тыс. экз.»².

При жизни Достоевского «Бесы» вышли отдельным изданием только один раз, в 1873 г. Как и другие его поздние романы, «Идиот» и «Подросток», они получили больше негативной, чем позитивной, литературной

¹ Чернышов И.С. Стратегия издания романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в постсоветской России // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 102.

² Там же.

прижизненной критики – несмотря на то, что среди читателей роман пользовался популярностью и хорошо продавался: по подсчетам того же исследователя, из 3500 экземпляров при жизни Достоевского было продано 2376 (67,88 % всего тиража)³. Достоевский сам с радостью отметил успех романа у читателей в письме к жене от 10 августа 1873 г. фразой «бесочкито... пошли»⁴. Тем не менее «если спрос на “Бесов” у публики носил ажиотажный характер, то прижизненная критика романа была резко негативной: из 44 заметок, посвященных “Бесам” и вышедших при жизни автора в таких изданиях, как “Голос”, “Дело”, “Отечественные записки”, “Санкт-Петербургские ведомости”, “Новый мир” и др., 24 были отрицательными, 10 были выдержаны в нейтральном стиле, и еще в 10 заметках “Бесы” оценивались положительно»⁵.

Что касается тогдашней критики именно из революционно-демократического лагеря, то ее характерной чертой было отрицание того, что Достоевскому удалось изобразить или отразить хоть какую-то имеющую место реальность. Более того, в его героях усмотрели преимущественно больных, патологических персонажей или хоть и не сумасшедших, но как минимум людей, находящихся «на границе нормального и ненормального состояния духа», которые «ведут странный образ жизни» и «высказывают странные мысли» (Михайловский). Впрочем, это впечатление было характерно не только для революционной критики. Лишь заметно позже за «Бесами» Достоевского будет признан их пророческий характер, и можно сказать, что это признание станет общим местом.

Наиболее заметными публикациями революционной партии явились критический отклик известного лидера народников Н.К. Михайловского под названием «Комментарии к “Бесам”» в февральском номере журнала «Отечественные записки» за 1873 г. и статья не менее известного радикального революционера 1870–1880-х гг. П.Н. Ткачева «Больные люди» в журнале «Дело», в 3-м и 4-м номерах за тот же 1873 г. Если Михайловский, позже ставший автором знаменитого определения Достоевского как «жесточкого таланта», витиевато и с претензией на остроумие пытается высмеять, поиздеваться над только что вышедшим романом писателя, то Ткачев прямо придает его уничижительной и раздражительной критике.

Михайловский в своей критике поверхностен, в каком-то смысле он воплощает квинтэссенцию прогрессистского интеллигентского мировоззрения, не способного понять мысли Достоевского об искупительности страдания. Тем не менее он всё же более изобретателен, чем Ткачев. В прослеживании истории толкования «Бесов» Михайловский важен потому, что он в каком-то смысле задает канон адвокатирувания революционного движения перед лицом этого антинигилистического романа Достоевского. Пожалуй, он первый сказал, что нечаевский кружок и нечаевское дело не характеризуют революционное движение как таковое, а являются из ряда вон выходящим случаем, скорее, предметом для уголовной хроники или романа: «Нечаевское дело есть до такой степени во всех отношениях монстр, что не может

³ Чернышов И.С. Прижизненная критика романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в контексте авторской стратегии издания романа // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (36). С. 129.

⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 288.

⁵ Чернышов И.С. Прижизненная критика романа Ф.М. Достоевского «Бесы». С. 130.

служить темой для романа с более или менее широким сюжетом. Оно могло бы доставить материал для романа уголовного, узкого и мелкого, могло бы, пожалуй, занять место и в картине современной жизни, но не иначе как в качестве третьестепенного эпизода»⁶. Как отмечает воронежский историк, исследователь русского консерватизма А.Ю. Минаков, «данная оценка Михайловского (“во всех отношениях монстр”) стала хрестоматийной, поскольку ее по-своему и на разные лады начали развивать многие народнические и либеральные историки и публицисты. Именно с Михайловского ведет свое начало трактовка нечаевщины как примитивной околореволюционной уголовщины, якобы не имеющей никакого отношения к “подлинной революционности”, как третьестепенного и совершенно незначительного эпизода русского революционного движения»⁷.

Впрочем, свои заметки о Достоевском Михайловский начал с того, что признал Достоевского «одним из талантливейших современных писателей», но тут же издевательски спросил, почему Достоевский с его «блестящим психиатрическим талантом» не возьмется за роман из европейской жизни XIV–XVI столетий: «Все эти бичующиеся, демономаны, ликантропы, все эти макабрские танцы, пиры во время чумы и проч., весь этот поразительный переплет эгоизма с чувством греха и жаждой искупления, – какая это была бы благодарная тема для г. Достоевского»⁸. В целом мнение о героях «Бесов» как людях не совсем нормальных, как мы уже сказали, было общей чертой тогдашней радикальной критики. Также, например, литературный критик и поэт Д.Д. Минаев отнес роман «Бесы» «к замечательным произведениям нашей бедной современной литературы, но вовсе не с художественной точки зрения, а единственно с патологической, врачебной». «Бесы», говорил он, оставляют «точно такое же крайне тяжелое впечатление, как посещение дома умалишенных», где все действующие лица – «больные, тронутые, с поврежденными мозгами»⁹.

Еще одна общая черта революционно настроенных критиков – это отрицание того, что мистически-религиозные вопросы имеют какое-либо значение среди радикальной молодежи, как это изображено в романе. То есть, с одной стороны, в «Бесах» представлена скорее уголовщина, с другой – она имеет якобы нехарактерный совершенно для революционного движения религиозно-мистический оттенок. Вот что по этому поводу писал Н.К. Михайловский:

Но во всяком случае, имел ли какое-нибудь основание г. Достоевский группировать около нечаевского дела людей, проникнутых мистицизмом? Думаю, что нет, а тем паче не имел он права ставить их типами современной русской молодежи вообще. Такие люди, конечно, возможны и здесь, как и везде. Но мало ли что возможно. Едва ли русская молодежь так пристально занимается мистико-религиозными вопросами. Напротив, направление ее, вообще говоря, чисто практическое, а если кое-кто из нее и занимается социальными теориями, то уж, конечно, не такого характера, каким отличаются теории Ставрогина, Шатова, Кириллова... Во всяком случае, если бы г. Достоевский принял в соображение громадную массу русских

⁶ Михайловский Н.К. Сочинения: в 6 т. Т. 1. СПб., 1896. С. 851.

⁷ Минаков А.Ю. У истоков терроризма: С.Г. Нецаев и нецаевское дело // Власть и общественное движение в России имперского периода. Воронеж, 2005. С. 177.

⁸ Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 1. С. 842.

⁹ [Минаев Д.Д.] «Бесы» Федора Достоевского // Искра. 1873. № 6 (21 февр.). С. 5.

молодых людей, стремящихся в адвокаты, мировые судьи, проводители усовершенствованных путей сообщения и проч., и проч., и проч.; если бы он прибавил сюда массу молодых людей, настроенных и серьезно, и трезво, наконец если бы он остановил подольше свое внимание на массе молодых верхоглядов, – то он, без сомнения, убедился бы, что теории, подобные шатовским, кирилловским, ставрогинским, могут занимать здесь только микроскопически ничтожное место <...> где слышал г. Достоевский, чтобы современные русские молодые люди встречали и провожали друг друга вопросами: вы атеист? вы лампадку зажигали? вы уверовали? Тем паче, где слышал он из уст молодежи такие идеи, как, например: «народ есть тело божие», «русский народ богоносец» и т.п.? Я не спорю, может быть он все это и слышал, но уже, конечно, не имеет права выставлять эти черты, в качестве характерных, типических, на первое место¹⁰.

Можно утверждать, что именно с усмотрением Достоевским мистически-религиозной и квазирелигиозной стороны социализма и нигилизма связана особая глубина «Бесов» и то, что этот роман позже признали пророческим. Но как раз это обстоятельство категорически отрицали первые революционные критики романа: проповедуемый ими культ науки и позитивного знания исключал осознание каких-то неявных метафизических предпосылок их собственного мировоззрения. Понимание того, что возникновение революционного мировоззрения предполагает определенное решение религиозных вопросов, самоопределение относительно них, закрыто для тех, кто думает, что решил их на основе строгих научных данных. По Михайловскому, Достоевский вкладывает идеи, которые в изобилии производит его эксцентричный талант, просто туда, где их, как кажется иронизирующему критику, на самом деле нет и быть не может.

В конце своей статьи, посвященной «Бесам», он берет под защиту *сiтоуен'ов* и «общечеловеков», резко и уничижительно критикуя Достоевского за то, что тот в идее страдания видит народную правду, за то, что, например, в «Дневнике писателя» он возмущается стихами Некрасова о бурлаке, говоря, что «в них выражается протест против страданий бурлака, и может быть, протест против отсутствия протеста с его стороны». Но тут же он высказывает интересную мысль, что Достоевский в своем романе просмотрел главного беса, мучающего сейчас Россию, что у него нет «беса национального богатства», самого распространенного сегодня, по мнению Михайловского:

Пока вы занимаетесь безумными и бесноватыми *сiтоуен'ами* и народной правдой, на эту самую народную правду налетают, как коршуны, *сiтоуен'ы* благоразумные, не беснующиеся, мирные и смирные, и рвут ее с алчностью хищной птицы, но с аллюрами благодетелей человечества. Как! Россия, этот бесноватый больной, вами изображаемый, перепоясывается железными дорогами, усыпается фабриками и банками, – и в вашем романе нет ни одной черты из этого мира! Вы сосредоточиваете свое внимание на ничтожной горсти безумцев и негодяев! В вашем романе нет беса национального богатства, беса самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла. Свиньи, одолеваемые этим бесом, не бросятся, конечно, со скалы в море, нет, они будут похитрее ваших любимых героев. Если бы вы их заметили, они составили бы украшение вашего романа. Вы не за тех бесов ухватились. Бес служения народу – пусть он будет действительно бес, изгнанный из большого тела России, – жаждет

¹⁰ Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 1. С. 850–851.

в той или другой форме искупления, в этом именно вся его суть. Обойдите его лучше совсем, если вам бросаются в глаза только патологические его формы¹¹.

Позже это замечание Михайловского о том, что Достоевский просмотрел главного беса, беса национального богатства, даже дало возможность известному советскому литературоведу и специалисту по творчеству Достоевского А.С. Долинину предположить, что Достоевский услышал этот призыв Михайловского. По мнению Долинина, который в целом был склонен преувеличивать близость Достоевского социалистическому мировоззрению (но это отдельная тема), Достоевский последовал этому призыву в своем следующем романе – «Подросток»¹². Ведь в последнем тема денег и богатства ради богатства играет исключительную роль. Правда, это предположение не нашло поддержки у многих других литературоведов. Например, этот вопрос подробно разбирается В.Д. Раком в статье «Спор Достоевского с Н.К. Михайловским в 1875 году». В.Д. Рак после подробного анализа темы и разных аргументов *pro et contra* приходит к выводу, что «ответ писателя был тот же, что и в разобранных черновых заметках: от “беса богатства” Россию сохранит “русский дух”. Итак, в разгар работы над “Подростком” Достоевский ни с одним положением рецензии Михайловского на “Бесов” согласен не был. Тему, которую ему подсовывал Михайловский, он рассматривал под иным углом зрения, нежели критик “Отечественных записок”»¹³.

И дальше Достоевский говорит очень любопытные вещи:

Г-н Н.М. в первый раз поразил мое внимание своим отзывом о моих отзывах о Белинском, социализме и атеизме, а потом о моем романе «Бесы». Отвечать ему по поводу моего романа я немного упустил время, хотя и хотел было; но о социализме непременно отвечу <...> Главное, никак не могу понять, что хотел мне сказать г-н Н.М., уверяя меня, что социализм в России был бы непременно консервативен? Не думал ли он меня этим как-нибудь утешить, предположив, что я консерватор во что бы ни стало. Смее уверить г-на Н.М., что «лик мира сего» мне самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что социализм не атеистичен, что социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его, – это чрезвычайно поразило меня в писателе, который, по-видимому, так много занимается этими темами <...> Об г-не же Н.М. я именно вспомнил потому, что всё хочу ему ответить, но никак не удается¹⁴.

Тут имеется в виду сразу несколько суждений Михайловского, связанных с «Бесами» и социализмом. Во-первых, то место, где Михайловский говорит следующее, обращаясь к своему оппоненту:

Но вы просмотрели и кроме этого многое, г. Достоевский, просмотрели любопытнейшую и характернейшую черту нашего времени. Если бы вы не играли словом «Бог» и ближе познакомились с позоримым вами социализмом, вы убедились бы, что он совпадает с некоторыми по крайней мере элементами народной русской правды¹⁵.

¹¹ Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 1. С. 871–872.

¹² Долинин А.С. В творческой лаборатории Достоевского (История создания романа «Подросток»). М., 1947. С. 156–157.

¹³ Рак В.Д. Спор Достоевского с Н.К. Михайловским в 1875 г. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. Л., 1983. С. 221.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 157.

¹⁵ Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 1. С. 871.

Во-вторых, например, то место из первого номера «Отечественных записок» за 1873 г., где Михайловский более конкретно говорит, что он понимает под совпадением социализма с «некоторыми по крайней мере элементами народной правды»:

Экономическое зерно социализма не представляет у нас, в России, учения революционного, так как большинство нашего народа владеет продуктами своего труда и достигает это при помощи ассоциации – поземельной общины¹⁶.

Поэтому для Михайловского, как он неоднократно говорил, в Европе рабочий вопрос – вопрос революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работника и экспроприации теперешних собственников. Но рабочий вопрос в России есть вопрос *консервативный*, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности. Как народник Михайловский подчеркивал:

...коренные начала русской экономической жизни не требуют революции, изменения направления своего течения. Требуется только развитие этих начал. Будут ли при этом баррикады или нет, это все равно, т.е. в том смысле все равно, что не изменяет консервативного характера русского рабочего вопроса. С другой стороны, революция может совершиться и под звуки марсельезы и под звуки всякой другой песни¹⁷.

К сожалению, Достоевский не исполнил своего намерения и больше ничего так и не написал Михайловскому в ответ. Проблематика собственно консервативного социализма, так поразившая Достоевского (что можно или следует понимать под этим термином), осталась у него без продолжения. Можно предположить, что он в рассуждениях Михайловского о русском социализме увидел свое, то, что лично волновало его. Если для Михайловского указания на консервативность русского социализма сводились к социально-экономическим условиям, к земельной общине как основе будущего социального устройства, то Достоевского, вероятно, в консервативности социализма заинтересовал прежде всего вопрос, может ли он и правда быть не атеистичен, раз его называли консервативным. Ведь консервативность всегда была связана с признанием роли религии в обществе как первоочередной и очень важной.

Тем не менее некоторые авторы, литературоведы и исследователи творчества Достоевского отмечали, что его интерес к данной проблематике связан с социалистическими увлечениями молодости и с предполагавшимися К.Н. Леонтьевым полуеретическими оттенками его христианской мысли, допускавшей возможность «золотого века» и установления Царства Божия на земле:

На Достоевского аргументация Михайловского произвела глубокое впечатление. Ему показалось, что он нашел наконец формулу, соединяющую воедино и пленительность увлечений его молодости, и отрицание революции. Он увидел воскрешенными позиции «Времени». Ему почудилась возможность соединения несоединимого – примирения враждующих лагерей русской общественности, создания смеси из учений социализма

¹⁶ Михайловский Н.К. Литературные и журнальные заметки. Январь 1873 г. // Отечественные записки. 1873. Т. ССVI. № 1. С. 160.

¹⁷ Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 1. С. 736.

и христианства, изменения лика мира сего путем прививки к монархии «золотого века»¹⁸.

Вспомним, наконец, знаменитый фрагмент из «Дневника писателя» о «нашем русском социализме»:

Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский «социализм» теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), – цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет еще этого единения, если не созиделась еще церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то все-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда ее, иной раз даже почти бессознательная, в сердце много-миллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм! Вот над присутствием в народе русском этой высшей единительно-«церковной» идеи вы и смеетесь, господа европейцы наши¹⁹.

Здесь мы видим, что именно в русском народе (большинство которого на тот момент – крестьяне с их поземельной общиной) Достоевский соединяет церковь и «социализм», пусть и берет последнее слово в кавычки, и называет это «нашим русским социализмом». Стоит заметить в связи с этим, что вопрос, может ли социализм в принципе быть не атеистичен и консервативен, остается дискуссионным вплоть до сегодняшнего дня. Удачный синтез консерватизма и социализма означал бы, что в созданном в соответствии с ним обществе, с одной стороны, воплотился бы принцип «кто не работает, тот не ест». В нем не было бы всевластия денег и кричащего социально-экономического неравенства. С другой стороны, отношения между людьми, семейные и прочие, были бы традиционными в высоком, хорошем смысле этого слова. Религия, а не господство атеизма освящала бы повиновение властям не за страх, а за совесть, жертвенную заботу власти о подвластных и правильную иерархию внутри семьи (покорность детей родителям, жены мужу). О таком синтезе говорил английский христианский мыслитель, богослов и писатель Клайв Стейплз Льюис в своем труде «Просто христианство». Он заметил, что таким и было бы истинно христианское общество:

И тем не менее Новый завет, не вдаваясь в детали, дает нам довольно ясный намек на то, каким должно быть истинно христианское общество. Возможно, он дает нам немного больше, чем мы готовы принять. В Новом завете говорится, что в таком обществе нет места паразитам: «Кто не работает, пусть не ест». Каждый должен трудиться, и труд каждого приносит пользу; такое общество не нуждалось бы в производстве глупой роскоши и в еще более глупой рекламе, убеждающей эту роскошь покупать. В таком обществе нет чванливости, самовосхваления, притворства.

С одной стороны, христианское общество соответствовало бы идеалу сегодняшних «левых». С другой – христианство решительно настаивает

¹⁸ Кирпотин В.Я. Достоевский и Белинский. М., 1976. С. 192.

¹⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 18–19.

на послушании, покорности представителям власти, которые соответствуют занимаемой должности, на покорности детей родителям и (боюсь, это требование уж очень непопулярно) покорности жен своим мужьям.

Кроме того, это общество должно быть жизнерадостным. Беспокойство и страх в нем – отклонение от нормы. Естественно, члены его взаимно вежливы друг с другом, ибо вежливость – тоже одна из христианских добродетелей.

Если бы такое общество действительно существовало и нам с вами посчастливилось бы его посетить, оно произвело бы на нас любопытное впечатление. Мы увидели бы, что экономическая политика напоминает социалистическую и по существу – прогрессивна, а семейные отношения и стиль поведения выглядят довольно старомодно – возможно, они даже показались бы нам церемонными и аристократическими. Каждому из нас понравилось бы что-то, но боюсь, мало кому понравилось бы все как есть²⁰.

Льюис в последних словах правильно указывает на то, что раздробленному естественному человеку, падшему Адаму, понравились бы лишь отдельные стороны этого общества: одним – социально-экономическое равенство (левые). Другим – иерархия и повиновение в отношениях между людьми (правые). Но совместить то и другое как целое, создать его, принять и поддерживать вряд ли людям было бы под силу. Одновременное наличие экономического равенства и правильной иерархичности, повиновения высших низшим в отношениях между людьми поэтому утопично. Если говорить метафорически, это в каком-то смысле сочетание льда и пламени, и поэтому в реальной общественно-исторической жизни разве оно возможно? Это было бы под силу лишь восстановленному в его целостности человеку и человечеству.

* * *

Что касается известной статьи знаменитого революционера П.Н. Ткачева «Больные люди»²¹, то она интересна прежде всего тем, что это отклик на роман «Бесы» человека, который был близким соратником Нечаева, вместе с ним одним из руководителей радикального меньшинства, которое стремилось придать студенческому движению политический характер. Весьма возможно, что вместе с Нечаевым Ткачев был автором «Программы революционных действий», напечатанной в № 1 листка «Народная расправа»²². Нечаевский кружок часто собирался на квартире Ткачева, и там обсуждались планы совместных действий.

Познакомились они осенью 1868 г. Ткачев был старше Нечаева на три года и уже успел к тому времени дважды посидеть в Петропавловской крепости и однажды в Кронштадтской, закончить Петербургский университет и обрести известность среди молодежи как литератор радикальных взглядов. Стаж его революционной деятельности к 1868 г. насчитывал уже семь лет – огромный срок по тем меркам и условиям. Однако в отличие от нечаевской

²⁰ Льюис К.С. Просто христианство // Льюис К.С. Христианство. М., 2020. С. 189–190.

²¹ Ткачев П.Н. Больные люди // Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 4 т. Т. 3. М., 1933. С. 5–48.

²² Программа революционных действий // Историко-революционная хрестоматия. Т. 1. М., 1923. С. 79–85.

роль Ткачева в студенческих волнениях и событиях 1868–1869 гг. большей частью осталась неосвещенной, в тени, несмотря на то, что он был гораздо опытнее и образованнее неокрепшего тогда Нечаева. Тем не менее иногда в литературе можно встретить такое название тогдашнего кружка сторонников Нечаева, как «кружок Нечаева и Ткачева»²³.

Вполне поэтому можно утверждать, что статья Ткачева «Больные люди» была ответом нечаевского единомышленника и соратника на то, какими этих вождей и их ведомых увидел Достоевский. Критик, казалось бы, знал факты, что называется, из первых рук. Однако, поскольку в романе-памфлете на революционное движение речь шла во многом о нем самом, ответ Ткачева не мог не быть крайне полемическим. При этом в скобках стоит отметить то любопытное обстоятельство, что журналистский дебют 18-летнего Ткачева – его статья «О суде по преступлениям против законов о печати» – состоялся в июне 1862 г. в журнале «Время» братьев М.М. и Ф.М. Достоевских. Впрочем, уже его третья статья там была запрещена цензурой. Правда, как раз в июне 1862 г. на восемь месяцев были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово», арестованы Н.Г. Чернышевский и Д.И. Писарев. В журнал «Время» Ткачева, возможно, привел Н.Н. Страхов, бывший его учителем в гимназии.

В целом «Больные люди» написаны в очень раздраженном тоне. В статье, например, говорится, что последний роман Достоевского демонстрирует «отсутствие в авторе всякой творческой фантазии», что «в “Бесах” окончательно обнаруживается творческое банкротство автора “Бедных людей”» и его «микроскопический талант». Начинается ткачевская статья стилистически тяжеловатым и сумбурным иронизированием над так называемым ренегатством Достоевского, над его «актом публичного раскаяния и отречения»:

Этот герой дня сознает себя несравненно выше всех этих ординарных «людишек», которые имеют глупость упорствовать в увлечениях своей юности, которые приросли к своим убеждениям, как улитка к раковине, которые считают измену низостью, ренегатство – пошлостью²⁴.

Упрекая Достоевского в разного рода непоследовательностях (как они представляются автору критической статьи), Ткачев говорит:

...в голове у него точно сидит какой-то злой дух и, помимо воли и желания бедного автора, постоянно заставляет его выделять такие поступки и произносить такие речи, от которых ему самому впоследствии приходится отрезаться²⁵.

Дальше Ткачев стремится доказать наличие психической ненормальности самого Достоевского и рассуждает об этом много и со вкусом:

В г. Достоевском тоже сидят два человека, его сознание разделилось на два «я», одно я сознает себя неспособным писать пасквили и гордо объявляет, что оно «не торгует своим пером» и гнушается даже самой мысли о каких-нибудь «заискиваниях en haut lieu» («Гражданин», No. 3); другое я амикошонствует с Мещерским, сочиняет крокодилов, пишет инсинуации на присяжных и соперничает с Лесковым в «Бесах». Я не хочу делать первое я ответственным за поступки второго я; я верю на слово г. Достоевскому, когда

²³ Цейтлин А.Г. «Новь» // Литературное наследство. Т. 76. М., 1967. С. 110.

²⁴ Ткачев П.Н. Больные люди. С. 5.

²⁵ Там же. С. 7.

он уверяет, будто его «не понимают» и «неверно перетолковывают», т.е. я верю на слово, что г. Достоевский искренно отказывается от солидарности с некоторыми из своих поступков и с настоящим смыслом некоторых из своих писаний. Таким образом, автор «Бесов» представляется нам не просто кающимся и отрекающимся, а *двойником*, одна половинка которого кается и отрекается, а другая отнекивается от этого покаяния и отречения.

Случай не совсем ординарный, но не невозможный; и если вы вспомните, как странны и *бесноваты* почти все действующие лица в повестях и романах г. Достоевского, если вы вспомните, что большинство их отличается какими-нибудь психическими аномалиями, то вы должны будете согласиться, что аномалия самого автора не из самых удивительных²⁶.

Несколько удивительно всё это читать, зная дальнейшую судьбу и обстоятельства смерти самого П.Н. Ткачева. А именно, что с начала 1880-х гг. у него начинают проявляться признаки развивающегося паралича мозга, что в итоге закончилось полным умственным помешательством. С декабря 1882 г. Ткачев находился в специальной клинике для душевнобольных в Париже. Лев Тихомиров писал впоследствии в «Тенях из прошлого», что Ткачев не перенес краха своего дела и сошел с ума.

Также Ткачев – и это объединяет его с Михайловским – категорически отрицал, что в революционной среде, на изображение которой претендовал Достоевский, могут обсуждаться разного рода мистически-религиозные идеи наподобие идей Шатова и Кириллова:

Бред вертится на таких мистико-загадочных вопросах, о которых, кроме двух-трех московских кликуш, самого автора да разве еще философа Страхова, вероятно, никто никогда во всей России не думал и не думает. Если бы наше юношество воспитывалось под исключительным влиянием достопамятного Ивана Яковлевича, если бы оно почерпало всю свою мудрость из богословских писаний Хомякова и философских трактатов Киреевского, если бы его вместо гимназий и университетов отправляли в монастыри и к отцам схимникам, если бы оно с пеленок было окружено спертой атмосферой семинарской схоластики, казарменной школы и юродствующего невежества, – тогда, и только тогда, из его среды могли бы выходить больные, одержимые шатовским и кирилловским бредом²⁷.

Ткачев уверяет, что Достоевский приписывает своим персонажам не реальные состояния реальных людей, а свои субъективные психические состояния, которые лишь продукт созерцания «собственных внутренностей». Но к действительности, к действительной революционной молодежи весь этот «бред», как Ткачев именуется метафизические и религиозные споры и суждения в «Бесах», отношения не имеет.

В самом деле, есть ли какая-нибудь логическая возможность предположить, будто люди, долженствующие служить олицетворением московского кликушества и философии «Гражданина», чтобы эти люди впутались в тайное политическое общество, руководимое Верховенским и преследующее цели, не имеющие ничего общего с их *idees fixes*. Между мирозозерцанием Ставрогиных, Верховенских, Виргинских, Шигалевых и т.п. и мирозозерцанием Шатова и Кириллова не было ни единой точки соприкосновения:

²⁶ Ткачев П.Н. Больные люди. С. 8.

²⁷ Там же. С. 36.

то, что волновало и интересовало первых, было совершенно индифферентно для последних, и наоборот»²⁸.

Ткачев говорит, что если из романа удалить разговор Верховенского со Ставрогиным об Иване-царевиче, то читатель никогда бы не догадался, что Верховенский – фанатик, одержимый несбыточными идеями. Правда, радикальный автор признает, что пункт помешательства Верховенского несколько более правдоподобен и что его «*idees fixes* резко отличаются от туманных фантазмагорий Шатова и Кириллова»²⁹, что между этими идеями и вопросами, волнующими ту среду, из которой вышел Верховенский, действительно существует некоторая связь. Однако, согласно Ткачеву, тут обнаруживается

...все бессилие авторского таланта, способного лишь на воспроизведение своих субъективных ощущений. Он никогда не наблюдал и не может себе представить, даже в самых общих, не говоря уже, – образных чертах, психическое состояние человека, помешавшегося на идее разрушения. Поэтому идея у него осталась сама по себе, а человек сам по себе; между бредом и бредящим не существует ни малейшей связи³⁰.

Характер Верховенского поэтому, дескать, составлен механически и крайне грубым образом из двух частей, не имеющих между собой ничего общего: с одной стороны, Достоевский приписал ему несколько биографических данных «об одном подсудимом» (очевидно, тут имеется в виду Нечаев), почерпнув их из судебного стенографического отчета. С другой – он, по Ткачеву, где-то подслушал мысль о необходимости «разрушения», но не понял ее, а переврал, затем облек ее в формы бессвязного бреда и сделал «этот бред» *idee fixe* его героя.

В целом герои этого романа скорее походят на пьяных или на одержимых острой белой горячкой, нежели на хронически больных или вообще на трезвых людей. Ткачев категорически настаивает на том, что «в болезненных представлениях уродцев», созданных Ф.М. Достоевским, «очевидно нисколько не отражается мирозерцание той среды – среды лучшей образованной молодежи, из которой они вышли»³¹. Пожалуй, главная идея статьи П.Н. Ткачева о романе «Бесы» – та, что, претендуя на объективность и показ действительности, реальных общественных тенденций, «г. Достоевский во всех своих беллетристических упражнениях исключительно ограничивается анализом *психиатрических* аномалий человеческого характера, живописанием внутреннего мира психически больных людей»³².

Подобно большинству наших беллетристов, говорит Ткачев, Достоевский способен лишь на анализ внутреннего мира человеческой души. А когда он выходит за пределы этого внутреннего мира и из анализирующего психолога пытается стать обобщающим художником, он впадает в нелепость и односторонность. Поэтому, дескать, вместо реальных людей и живых картин общественной действительности Достоевский и изображает каких-то маньяков и больных людей, сумасшедших.

²⁸ Ткачев П.Н. Больные люди. С. 40–41.

²⁹ Там же. С. 37.

³⁰ Там же. С. 37–38.

³¹ Там же. С. 37.

³² Там же. С. 9.

Всё это и образ Верховенского (Нечаева) в частности демонстрирует, по Ткачеву, «бессилие авторского таланта, способного лишь на воспроизведение своих субъективных ощущений»³³. Дескать, Достоевский в «Бесах» взял на себя труд анализировать психические аномалии, что вполне соответствует «его таланту, таланту весьма искусному в психиатрическом анализе и никогда не выходящему за пределы этого анализа»³⁴. Однако даже в этом смысле он, считает Ткачев, способен на анализ лишь только некоторых психиатрических явлений. А что касается именно «Бесов», на этот раз даже этот анализ оказался совершенно не под силу автору.

Впрочем, интересно, что двумя годами позже о только что вышедшем новом романе Достоевского «Подросток» П.Н. Ткачев будет говорить заметно мягче и не в столь раздраженном тоне. Он даже начнет свою статью «Литературное попури» со слов о «мастерской кисти одного из замечательнейших и, я немногим ошибусь, если скажу – одного из первокласснейших художников... нашего времени»³⁵. Правда, он не откажется от многих своих прошлых тезисов относительно Достоевского: односторонность таланта писателя, заключающаяся в психологическом анализе, герои как ненормальные персонажи и «люди безумия», низкое значение Достоевского как художника с эстетической точки зрения и его неумение выразить художественную правду и т.д. В то же время Ткачев говорит, что произведения Достоевского важны с точки зрения общественного (а не эстетического) интереса, в плане того, что он живописует и какой материал он дает публицистической критике для общественного осмысления. Ведь

...в романах г. Достоевского затрагиваются обыкновенно такие психические явления, которые играют весьма видную роль в жизни известных классов, известной среды нашего общества и которые представляют, следовательно, весьма любопытный материал для оценки общественного и умственного состояния этой среды, этих классов³⁶.

По Ткачеву, «Подросток» посвящен анализу так называемых идейных людей, третьей категории «людей забитых» – тут он следует Добролюбову и цитирует его статью «Забитые люди», посвященную «Преступлению и наказанию». Первые две категории «забитых людей» – это люди ожесточенные либо приниженные. И Ткачев даже говорит, что в «Подростке» анализ души «идейных людей»

...достигает той глубины, той обстоятельности и той сравнительной объективности, никогда, однако ж, не способной отрешиться, – от чисто субъективного элемента, благодаря которому автору удалось так хорошо воспроизвести в прежних своих произведениях господствующее настроение души забитых людей первых двух категорий – людей «приниженных» и «ожесточенных»³⁷.

Таким образом, мы видим заметную разницу в оценках русским революционером и радикальным критиком Ткачевым романов Достоевского «Бесы» и «Подросток». Если в первом случае он практически полностью

³³ Ткачев П.Н. Больные люди. С. 37.

³⁴ Там же.

³⁵ Ткачев П.Н. Литературное попури // Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 4 т. Т. 4. М., 1932. С. 59.

³⁶ Там же. С. 64.

³⁷ Там же. С. 66.

отрицал какую-либо художественную или общественную значимость романа, то во втором случае суждение было более дифференцированным и благоприятным.

Но это был только первый этап восприятия «Бесов» революционно-радикальной литературной традицией, для которой было характерно полное, тотальное неприятие романа. Революционеры в изображенных персонажах и ситуациях не узнавали себя и своей ситуации, а их апологеты – своих героев, категорически отрицая какое-либо сходство с реальной действительностью. Однако, например, в ранние советские годы (1920-е) некоторые авторы-марксисты будут считать, что Достоевский в «Бесах», напротив, во многом правдиво отразил революцию и ее стихию (В.Ф. Переверзев). А в ранней советской исторической науке тогда же будет формироваться тенденция к апологии и оправданию фигуры и деятельности С.Г. Нечаева (историки М.Н. Покровский, М. Коваленский, А.И. Гамбаров, отчасти Б.П. Козьмин и другие). Но это уже темы для отдельного рассмотрения в наших последующих работах.

Список литературы

- Долинин А.С. В творческой лаборатории Достоевского (История создания романа «Подорожник»). М.: Советский писатель, 1947. 174 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1974–1990.
- Кирпотин В.Я. Достоевский и Белинский. М.: Художественная литература, 1976. 301 с.
- Льюис К.С. Просто христианство / Пер. с англ. И. Череватой // Льюис К.С. Христианство. М.: АСТ, 2020. С. 109–320.
- [Минаев Д.Д.] «Бесы» Федора Достоевского // Искра. 1873. № 6 (21 февр.). С. 5–6.
- Минаков А.Ю. У истоков терроризма: С.Г. Нечаев и нечаевское дело // Власть и общественное движение в России имперского периода / Ред. М.Д. Карпачев. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 174–352.
- Михайловский Н.К. Литературные и журнальные заметки. Январь 1873 г. // Отечественные записки. 1873. Т. ССVI. № 1. С. 133–161.
- Михайловский Н.К. Сочинения: в 6 т. Т. 1. СПб.: Ред. журн. «Русское богатство», 1896. 970 стлб.
- Программа революционных действий // Историко-революционная хрестоматия. Т. 1 / Сост. В.П. Кузьмин; под ред. В.М. Фриче. М.: Новая Москва, 1923. С. 79–85.
- Рак В.Д. Спор Достоевского с Н.К. Михайловским в 1875 г. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5 / Ред. Г.М. Фридендер. Л.: Наука, 1983. С. 208–221.
- Ткачев П.Н. Больные люди // Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 4 т. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев, 1933. С. 5–48.
- Ткачев П.Н. Литературное попури // Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 4 т. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев, 1932. С. 59–86.
- Цейтлин А.Г. «Новь» // Литературное наследство. Т. 76 / Ред. А.Н. Дубовиков и И.С. Зильберштейн при уч. К.П. Богаевской. М.: ИМЛИ, 1967. С. 106–146.
- Чернышов И.С. Прижизненная критика романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в контексте авторской стратегии издания романа // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (36). С. 124–137.
- Чернышов И.С. Стратегия издания романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в постсоветской России // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 101–108.

Perception of the novel “Demons” by F.M. Dostoevsky in Russian pre-revolutionary radical criticism

Yuriy V. Puschaev

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: putschaev@mail.ru

The novel “Demons” by F.M. Dostoevsky has a very rich history in terms of its perception in the history of Russian and Soviet culture. Contrary to a popular belief, it was never banned in Soviet times. It was published four times as part of the collected works of Dostoevsky (1927, 1957, 1974, 1982). This article examines how the novel “Demons” was received by the Russian radical criticism during the author’s lifetime. The analysis focuses on the critical articles by N.K. Mikhailovsky, one of the leaders of the narodniks, and P.N. Tkachev, a radical revolutionary, an associate of S.G. Nechaev. They are united by a sharply critical attitude to the novel, its almost complete rejection. Both Mikhailovsky and Tkachev categorically deny that such metaphysical and religious ideas and disputes take place in the revolutionary environment in which the cult of scientific knowledge, positivism and atheism reign, as it is presented in the novel. Mikhailovsky also reproaches Dostoevsky for having overlooked the main demon of Russia at that time – the demon of wealth and its threat for the country. In a dispute that followed between Dostoevsky and Mikhailovsky, the topics of conservative socialism and whether socialism can be non-atheistic were raised. Unfortunately, this dispute did not develop. Tkachev’s criticism of this novel was even more harsh. According to Tkachev’s main thesis, Dostoevsky exclusively limited himself to analyzing psychiatric anomalies of human character, painting the inner world of mentally ill people, and ascribing to his characters and to their reality only the inner states of his soul and only his own ideas. These works are only the first stage of the perception of “Demons” by the revolutionary-radical literary tradition. However, for example, in the early Soviet years (1920s), some Marxist authors believed that in “Demons”, on the contrary, Dostoevsky in many respects truthfully reflected the revolution and its elements (V.F. Pereverzev). And in the early Soviet historical science, at the same time, a trend was formed towards an apology and justification of Nechaev himself and of his actions.

Keywords: Dostoevsky, the novel “Demons”, literary criticism, Russian revolutionary radicalism, Tkachev, Mikhailovsky, conservative socialism

For citation: Puschaev, Yu.V. “Vospriyatie romana ‘Besy’ F.M. Dostoevskogo v russkoi dorevolutsionnoi radikal’noi kritike” [Perception of the novel ‘Demons’ by F.M. Dostoevsky in Russian pre-revolutionary radical criticism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 2, pp. 31–46. (In Russian)

References

- Chernyshov, I.S. “Prizhiznennaya kritika romana F.M. Dostoevskogo ‘Besy’ v kontekste avtorskoj strategii izdaniya romana” [Lifetime criticism of F.M. Dostoevsky’s novel ‘Demons’ in the context of the author’s strategy of publishing the novel], *Novyi filologicheskii vestnik*, 2018, No. 4 (36), pp. 124–137. (In Russian)
- Chernyshov, I.S. “Strategiya izdaniya romana F.M. Dostoevskogo ‘Besy’ v postsovetsoj Rossii” [Strategy of publishing F.M. Dostoevsky’s novel ‘Demons’ in post-Soviet Russia], *Filologicheskii klass*, 2017, No. 3 (49), pp. 101–108. (In Russian)
- Dolinin, A.S. *V tvorcheskoi laboratorii Dostoevskogo (Istoriya sozdaniya romana ‘Podrostok’)* [In Dostoevsky’s creative laboratory (The history of the creation of the novel ‘The Teenager’)]. Moscow: Sovetskij pisatel’ Publ., 1947. 174 pp. (In Russian)

- Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [The Complete Works], 30 Vols. Leningrad: Nauka Publ., 1974–1990. (In Russian)
- Kirpotin, V.Ya. *Dostoevskii i Belinskii* [Dostoevsky and Belinsky]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 301 pp. (In Russian)
- Lewis, C.S. “Prosto khristianstvo” [Mere Christianity], trans. by I. Cherevataya, in: S.C. Lewis, *Khristianstvo* [Christianity]. Moscow: AST Publ., 2020, pp. 109–320. (In Russian)
- Mikhailovskii, N.K. “Literaturnye i zhurnal’nye zametki. Yanvar’ 1873 g.” [Literary and journal notes, January 1873], *Otechestvennye Zapiski*, 1873, Vol. CCVI, No. 1, pp. 133–161. (In Russian)
- Mikhailovskii, N.K. *Sochineniya* [Works], Vol. 1. St. Peterburg: Russkoe bogatstvo Publ., 1896. 970 col. (In Russian)
- [Minaev, D.D.] “‘Besy’ Fedora Dostoevskogo” [‘Demons’ by Fyodor Dostoevsky], *Iskra*, 1873, No. 6 (21 February), pp. 5–6. (In Russian)
- Minakov, A.Yu. “U istokov terrorizma: S.G. Nechaev i nechaevskoe delo” [At the origins of terrorism: S.G. Nechaev and the Nechaev case], *Vlast’ i obshchestvennoe dvizhenie v Rossii imperskogo perioda* [Power and social movement in Russia of the Imperial period], ed. by M.D. Karpachev. Voronezh: Voronezh St. Univ. Publ., 2005, pp. 174–352. (In Russian)
- “Programma revolyutsionnykh deistvii” [The program of revolutionary actions], *Istoriko-revolutsionnaya khrestomatiya* [Historical and revolutionary anthology], Vol. 1, ed. by V.P. Kuzmin and V.M. Fritsche. Moscow: Novaya Moskva Publ., 1923, pp. 79–85. (In Russian)
- Rak, V.D. “Spor Dostoevskogo s N.K. Mikhajlovskim v 1875 g.” [Dostoevsky’s dispute with N.K. Mikhailovsky in 1875], *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research], Vol. 5, ed. by G.M. Friedlander. Leningrad: Nauka Publ., 1983, pp. 208–221. (In Russian)
- Tkachev, P.N. “Bol’nye lyudi” [Sick people], in: P.N. Tkachev, *Izbrannye sochineniya na sotsial’no-politicheskie temy* [Selected essays on socio-political topics], Vol. 3. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl’no-pereselentsev Publ., 1933, pp. 5–48. (In Russian)
- Tkachev, P.N. “Literaturnoe popurri” [Literary Potpourri], in: P.N. Tkachev, *Izbrannye sochineniya na sotsial’no-politicheskie temy* [Selected essays on socio-political topics], Vol. 4. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl’no-pereselentsev Publ., 1932, pp. 59–86. (In Russian)
- Zeitlin, A.G. “Nov’”, *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], Vol. 76, ed. by A.N. Dubovikov and I.S. Silberstein with the participation of K.P. Bogaevskaya. Moscow: IMLI Publ., 1967, pp. 106–146. (In Russian)